

МЕЛОДИИ, РОЖДЕННЫЕ В ДУШЕ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

С КОМПОЗИТОРОМ Михаилом Вячеславовичем Иорданским я познакомился на опушке старинного абрамцево-ского леса. Он сидел на лесной коряге, разложив перед собой нотные листки и вооружившись несколькими карандашами и ластиком. Его глаза под тенью очков были полузакрыты. Временами казалось, что они смотрят куда-то вверх: то ли на верхушки серебристых сосен, то ли на идеально чистое голубое небо.

Проходила минута, две, и Иорданский начинал что-то чертить на бумаге. Появлялись ноты. Композитор писал быстро. Потом, видимо, что-то не удовлетворило его, он скомкал начатый лист, поспешно сунул его в карман и взял новый. И снова появились ноты.

Чтобы не отвлекать его, я стоял в стороне и слушал пение птиц. И вдруг среди птичьего разноголосья я услышал голос чиби́са. На память сразу же пришли строки из широко известной детской песенки Иорданского «У дороги чиби́с»:

— А скажите, чьи вы?..

А скажите, чьи вы?..

Вспомнил я, что песенку эту однажды по радио спел человек, который в качестве певца до этого никогда не выступал, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Сергей Владимирович Образцов. Ну, а дети? Дети поют ее до сих пор.

— Удивительный лес в Абрамцево, — сказал Михаил Вячеславович, когда мы с ним уже шли лесной тропинкой, — приехал я сюда впервые много лет назад да так и остался здесь. Природа Абрамцево очень напоминает мне мою родину, старинный городок Юрьев-Польский, что недалеко от Коврова. Такой же был там лес. И речка, похожая на подмосковную Клязьму...

Родился я в семье очень музыкальной. Мой отец по образованию был юристом, но тем не менее хорошо разбирался в музыке. А мать, Варвара Владимировна, даже училась у знаменитого органиста, профессора Александра Гедике. В одиннадцать лет я написал свою первую детскую оперу «Чудесная ночь». Чуть позже, когда я учился в реальном училище, ребята сами ее поставили. Я же был аккомпаниатором. Помню, в губернской газете «Владимирец» была опубликована рецензия, содержавшая просьбу: пусть поближе к зрителям выдвинут из оркестровой ямы рояль, ибо аккомпаниатор так мал, что его не видно публике...

А потом я оказался в Москве. Меня представили директору Московской консерватории Михаилу Михайловичу Ипполитову-

Иванову. Как я волновался! А когда сел за рояль и сыграл отрывки из «Чудесной ночи» и свое самое любимое детское произведение — фортепьянную пьесу «Дальняя дорога», слышу: Ипполитов-Иванов настойчиво убеждает моих родителей отдать меня учиться в консерваторию. Так в тринадцать лет стал я студентом...

А ПОТОМ была гражданская война. Михаил Вячеславович хранит документ — свідетель своей боевой юности. На пожелтевшем от времени листе яркими буквами написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Красному бойцу 1-й Конармии тов. Иорданскому Михаилу Вячеславовичу. Революционный Военный Совет Первой Конной Красной Армии в исторический день Праздника Первой годовщины Армии вручает Вам настоящий документ, как свідетельство Вашей самоотверженной работы в рядах 1-й Конной Армии для победы Рабоче-Крестьянской власти на благо великого дела Пролетарской революции. Революционный Военный Совет выражает уверенность, что и впредь Вы будете высоко держать знамя Рабоче-Крестьянской власти и останетесь неутомимым бойцом за полный успех Пролетарской революции.

Революционный
Военный Совет Армии
С. БУДЕННЫЙ,
К. ВОРОШИЛОВ,
С. МИНИН.
Ноябрь 1920 года».

— Авиатрест Первой Конной, в составе которого я находился, — рассказывает Иорданский, — помогал конникам воевать против Деникина, Врангеля, Махно. Летом 1921 года меня неожиданно вызвали к командованию. Оказывается, Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов настойчиво просил разрешения вернуть меня обратно в консерваторию. Мне ничего не оставалось, как подчиниться...

Время было тяжелое. Голодали Поволжье, Урал, Центральные районы России. Тогда

молодой композитор Михаил Иорданский устроил в Москве, в помещении концертного зала гостиницы «Яр», детский спектакль-оперу Григорьева «Спящая царевна». Иорданский переработал свою партитуру оперы, дописал музыкальные номера. Собранные деньги пошли в Наркомпрос, в фонд голодающих.

Двадцатые, начало тридцатых годов были по сути дела началом его композиторской деятельности. 16 сентября 1932 года, когда в нашей стране по радио прозвучала первая передача, его пригласили стать музыкальным редактором Московского радио.

Именно Иорданский одним из первых привел на радио Антонину Васильевну Нежданову, Надежду Андреевну Обухову, Максима Дормидонтовича Михайлова, музыкантов из ставшего впоследствии знаменитым квартета имени Бетховена — Дмитрия Цыганова, Василия Ширина, Вадима Борисовского, Сергея Ширинского... А годом позже пригласили Иорданского на работу в вокальную редакцию Государственного музыкального издательства.

1941 год. В военкомате Иорданского сказали: «Ваш пост — на работе в Музгизе. Давайте нам больше хороших песен...». И Михаил Вячеславович писал: «Марш военных моряков», «Письмо на фронт» в содружестве с С. Михалковым, «В смертной бой идем» на стихи В. Лебедева-Кумача. Какой солдат, побывавший на фронте, не помнит этих песен. Выходили они подчеркнуто строгими и вместе с тем лирическими, напевными, западающими в душу.

ТАЛАНТ композитора обретал широту и силу. В его активе появились романсы на стихи великого Пушкина, новые детские оперы, целый ряд песен для детей на стихи ведущих советских поэтов. В эти же годы раскрылся еще один удивительный дар Иорданского — дар педагога. Когда речь заходит о его учениках, он достает из шкафа целую кипу телеграмм, полученных им недавно, в связи с присвоением почетного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Я покидал Абрамцево поздним вечером. И уже в электричке вспомнил фразу Михаила Вячеславовича Иорданского, мелькнувшую в нашем разговоре: «Главным критерием творчества человека я считаю одно: быть нужным людям. Это стимулировало всю мою жизнь, было, есть и будет ее главной задачей...». И опять я вспомнил милый мотив его песни. Песни, которую с удовольствием поют и дети, и взрослые.

А. КАРАУЛОВ.
ст. Абрамцево,
Загорский район.